Формирование международно-правовых основ регулирования искусственного интеллекта: от рекомендаций ОЭСР к Конвенции Совета Европы

Гаджиева Фатима Гасановна
студентка, Международно-Правовой факультет МГИМО МИД РФ, gadzhieva_2002@list.ru

В статье прослеживается процесс формирования международно-правовых основ регулирования искусственного интеллекта на протяжении 2019-2024 гг. Предметом анализа выступают три ключевых международных инструмента: Рекомендация ОЭСР по искусственному интеллекту (2019, пересмотрена в 2024 г.), Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021) и Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS No 225, 2024). Раскрывается логика перехода от актов рекомендательного характера к юридически обязательному международному договору. Рассматривается соотношение международных инструментов с региональными моделями регулирования ИИ, прежде всего с Регламентом ЕС 2024/1689 (AI Act). Обосновывается вывод о том, что складывающаяся система международно-правового регулирования ИИ характеризуется полицентричностью, неоднородностью юридической силы составляющих ее актов и нарастающим влиянием региональных нормативных моделей на международный нормотворческий процесс.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международно-правовое регулирование, ОЭСР, ЮНЕСКО, Совет Европы, Рамочная конвенция CETS No 225, AI Act, права человека, цифровые технологии.

Технологии искусственного интеллекта (далее - ИИ) к середине 2020-х гг. приобрели трансграничный характер, что с неизбежностью поставило вопрос о формировании международно-правовых основ их регулирования. Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев и их соавторы показали, что ни одна национальная правовая система не способна в одиночку дать ответ на вызовы, порождаемые делегированием алгоритмическим системам функций принятия решений, поскольку сами эти системы функционируют поверх государственных границ [3]. Потребность в координации усилий на международном уровне стала очевидной уже к концу 2010-х гг., когда первые нормативные инициативы были выдвинуты ОЭСР, а затем ЮНЕСКО и Советом Европы.

Актуальность темы определяется тем, что за короткий промежуток времени, с 2019 по 2024 г., международное сообщество прошло путь от рекомендательных принципов до юридически обязательного договора, каковым стала Рамочная конвенция Совета Европы (CETS No 225). Этот переход нуждается в осмыслении, тем более что параллельно на региональном уровне Европейский союз принял Регламент 2024/1689 (AI Act), претендующий на экстерриториальное действие [10]. Взаимодействие международных и региональных инструментов порождает вопросы, которые пока не получили должного освещения в отечественной доктрине.

М. Ю. Лев, Ю. Г. Лещенко и М.Б. Медведева справедливо квалифицируют деятельность международных организаций по регулированию ИИ как фактор обеспечения технологической безопасности в национальных юрисдикциях [4]. А. А. Громова, Г. З. Джавакян и И.Г. Дудко рассматривают международные инициативы в контексте формирования новой парадигмы правового регулирования ИИ [2]. Зарубежная литература представлена, в частности, работами M.A. Presno Linera и A. Meuwese, посвященными сопоставлению AI Act и Рамочной конвенции [14], а также исследованиями E.G. Bignami и соавторов о месте AI Act в условиях глобальной неопределенности [11]. Отдельные аспекты проблемы затронуты А.Ю. Марченко [7], А.Г. Шейкиным [9], И.А. Филиповой [8]. Тем не менее целостный анализ процесса формирования международно-правовых основ регулирования ИИ, учитывающий хронологическую последовательность принятия актов и их взаимное влияние, в российской литературе представлен недостаточно.

Цель статьи состоит в анализе процесса становления международно-правовых основ регулирования ИИ, охватывающего период с 2019 по 2024 г. Для этого решаются следующие задачи: раскрыть содержание и юридическую природу Рекомендации ОЭСР и Рекомендации ЮНЕСКО; проанализировать Рамочную конвенцию Совета Европы как первый обязательный международный договор в данной области; оценить соотношение международных инструментов с региональной моделью ЕС.

Методология исследования

Работа опирается на формально-юридический метод, посредством которого раскрывается содержание международных актов в сфере регулирования ИИ. Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления различных международных инструментов между собой и с региональной моделью ЕС. Историко-правовой метод

позволяет проследить хронологию и логику формирования международно-правовых основ регулирования ИИ. Эмпирическую базу составляют тексты международных актов, нормативные документы ЕС, отечественные и зарубежные научные публикации.

Рекомендация ОЭСР по искусственному интеллекту: первый международный консенсус

Отправной точкой в формировании международно-правовых основ регулирования ИИ принято считать Рекомендацию ОЭСР по искусственному интеллекту (OECD/LEGAL/0449), принятую 22 мая 2019 г. Этот документ стал первым межправительственным актом, зафиксировавшим набор согласованных принципов в сфере ИИ, и был поддержан не только государствами - членами ОЭСР, но и рядом стран-партнеров.

Рекомендация закрепила пять ценностно-ориентированных принципов: инклюзивный рост, устойчивое развитие и благополучие; уважение верховенства права, прав человека и демократических ценностей; прозрачность и объяснимость систем ИИ; устойчивость, безопасность и защищенность; подотчетность. З.А. Мамедьяров верно указывает, что именно в рамках ОЭСР был достигнут первый международный консенсус относительно базовых принципов ответственного использования ИИ [6]. Значение этого события трудно переоценить, учитывая, что к моменту принятия Рекомендации национальные подходы к регулированию ИИ находились в зачаточном состоянии.

Вместе с тем необходимо учитывать юридическую природу данного акта. Рекомендации ОЭСР не являются юридически обязательными: они представляют собой акты мягкого права (soft law), выполнение которых зависит от доброй воли государств-участников. Механизм мониторинга выполнения ограничивается периодическими обзорами и взаимными оценками. М.Ю. Лев, Ю.Г. Лещенко и М.Б. Медведева, анализируя роль ОЭСР, приходят к выводу о том, что рекомендательный характер данного инструмента не умаляет его значения, поскольку он задал общий вектор развития национальных регуляторных стратегий и создал основу для последующей гармонизации подходов [4].

В мае 2024 г. Рекомендация была пересмотрена с учетом стремительного развития генеративного ИИ и моделей общего назначения. Обновленный текст усилил акценты на вопросах прозрачности цепочки поставок ИИ и ответственности на протяжении всего жизненного цикла системы. Ли Яо отмечает, что пересмотр Рекомендации ОЭСР совпал по времени с завершением работы над AI Act в ЕС, что позволяет говорить о взаимном влиянии международного и регионального нормотворческих процессов [5].

Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ: универсализация ценностных оснований

Следующим шагом в формировании международно-правовых основ стала Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта, принятая на 41-й сессии Генеральной конференции в ноябре 2021 г. Данный акт отличается от Рекомендации ОЭСР прежде всего масштабом: его поддержали все 193 государства - члена ЮНЕСКО, что придало ему качество подлинно универсального документа.

Рекомендация ЮНЕСКО выстроена вокруг четырех групп ценностей: уважение, защита и содействие правам человека и достоинству личности; содействие мирному и справедливому обществу; обеспечение разнообразия и инклюзивности; содействие развитию окружающей среды и экосистем. На основании этих ценностей сформулированы десять принципов, включающих, среди прочего, пропорциональность, безопасность, справедливость, устойчивость и подотчетность.

А.А. Громова, Г.З. Джавакян и И.Г. Дудко подчеркивают, что Рекомендация ЮНЕСКО ознаменовала переход от чисто технократического дискурса о регулировании ИИ к этико-правовому, в котором технологические вопросы рассматриваются через призму прав человека и демократических ценностей [2]. Это обстоятельство имеет принципиальное значение: именно этико-правовая рамка впоследствии легла в основу подхода Совета Европы.

Однако и Рекомендация ЮНЕСКО, подобно акту ОЭСР, носит рекомендательный характер и не создает юридически обязательных норм. Механизм ее реализации опирается на добровольные национальные отчеты и методическую поддержку со стороны Секретариата ЮНЕСКО. И.А. Филипова обращает внимание на то, что рекомендательные международные инструменты, при всей их значимости для формирования общих подходов, не способны обеспечить единообразное регулирование ИИ на национальном уровне, поскольку каждое государство адаптирует их положения исходя из собственных правовых традиций и политических приоритетов [8].

Рамочная конвенция Совета Европы: переход к обязательному международному регулированию

Принципиально новым этапом стала Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS No 225), принятая Комитетом министров 17 мая 2024 г. и открытая для подписания 5 сентября 2024 г. в Вильнюсе. Данный документ является первым юридически обязательным международным договором, специально посвященным регулированию ИИ.

Конвенция охватывает весь жизненный цикл систем ИИ и распространяется на деятельность публичных органов власти, а также частных субъектов, действующих от имени таких органов. Для регулирования деятельности частного сектора Конвенция предоставляет государствам-участникам выбор: применять положения Конвенции непосредственно либо принимать иные меры, соответствующие ее целям и предмету. M. A. Presno Linera и A. Meuwese подробно анализируют эту двойственную конструкцию, отмечая, что она стала результатом компромисса между государствами, настаивавшими на прямом регулировании частного сектора, и теми, которые считали достаточным распространение обязательств только на публичную власть [14].

Среди ключевых положений Конвенции следует выделить обязательства государств-участников по защите прав человека от рисков, связанных с ИИ; обеспечению прозрачности и подотчетности систем ИИ; введению механизмов правовой защиты для лиц, пострадавших от применения таких систем; проведению оценки воздействия на права человека. А.Г. Шейкин отмечает, что перечень запрещенных практик, закрепленный в AI Act ЕС, по своему содержанию перекликается с обязательствами, вытекающими из Конвенции, хотя и отличается большей конкретностью [9, с. 109].

Существенной особенностью Конвенции является ее открытость для присоединения государств, не являющихся членами Совета Европы. В разработке текста приняли участие, среди прочих, США, Канада, Япония, Израиль и Австралия, ряд из которых уже подписали Конвенцию. Это обстоятельство позволяет рассматривать ее не как сугубо европейский, а как потенциально глобальный инструмент. М. Ю. Лев, Ю. Г. Лещенко и М.Б. Медведева справедливо замечают, что участие неевропейских госу-

дарств в разработке Конвенции свидетельствует о формировании трансрегиональных подходов к обеспечению технологической безопасности [4].

Механизм мониторинга выполнения Конвенции предусматривает создание Конференции Сторон, которая наделяется полномочиями по рассмотрению отчетов государств-участников, выработке рекомендаций и содействию обмену опытом. В отличие от механизмов мониторинга ОЭСР и ЮНЕСКО, данная конструкция опирается на договорную основу и предполагает регулярную отчетность.

Международные инструменты и региональная модель ЕС: проблема соотношения

Параллельно с развитием международных инструментов Европейский союз создал собственную нормативную модель регулирования ИИ, воплощенную в Регламенте 2024/1689 (AI Act). Хронологическое совпадение принятия AI Act (13 июня 2024 г.) и Рамочной конвенции Совета Европы (17 мая 2024 г.) не случайно: оба инструмента разрабатывались параллельно, и их авторы учитывали содержание друг друга.

M.A. Presno Linera и A. Meuwese проводят детальное сопоставление двух актов и приходят к заключению о том, что, несмотря на общность ценностных оснований, они различаются по нескольким принципиальным параметрам [14]. AI Act представляет собой акт прямого действия, непосредственно порождающий права и обязанности для физических и юридических лиц на территории ЕС. Рамочная конвенция, напротив, адресована государствам-участникам и обязывает их принять внутренние меры, соответствующие целям Конвенции, оставляя за ними свободу в выборе конкретных правовых средств.

A. Mahmutovic, характеризуя AI Act как «проактивную» нормативную модель, обращает внимание на то, что Регламент ЕС устанавливает конкретные обязательства для разработчиков и пользователей систем ИИ, тогда как международные инструменты формулируют принципы и стандарты, которые нуждаются в дальнейшей конкретизации на национальном уровне [12]. Этот разрыв между уровнем детализации международных и региональных актов составляет одну из центральных проблем формирующейся системы регулирования ИИ.

B. Эргашев убедительно показывает, что экстерриториальное действие AI Act создает дополнительный слой сложности. Регламент ЕС распространяется на субъектов из третьих стран, если результаты работы их систем ИИ используются на территории Союза [10]. Тем самым AI Act фактически выходит за рамки регионального акта и приобретает черты глобального регуляторного стандарта, что может порождать коллизии с обязательствами, вытекающими из международных инструментов, а также с национальными правовыми режимами третьих государств.

E.G. Bignami и соавторы фиксируют, что принятие AI Act происходило в условиях «глобальной неопределенности», когда различные юрисдикции придерживались принципиально разных моделей регулирования ИИ [11]. В подобных условиях международные инструменты, и прежде всего Рамочная конвенция Совета Европы, призваны выполнять координирующую функцию, обеспечивая минимальный общий стандарт при сохранении за государствами свободы выбора конкретных регуляторных решений.

А.Ю. Марченко указывает, что Европейский союз изначально стремился не к фрагментарной корректировке отраслевых норм, а к созданию целостного правового режима [7, с. 33]. Этот подход вступает в определенное противоречие с рамочным характером Конвенции Совета Европы, которая намеренно оставляет государствам широкое поле для усмотрения. Вопрос о том, как государства - члены ЕС, одновременно связанные и AI Act, и Конвенцией, будут согласовывать обязательства, вытекающие из двух инструментов, остается открытым.

Сравнительный анализ международных подходов к регулированию ИИ

Сопоставление трех международных инструментов позволяет выделить общую тенденцию: постепенное усиление нормативного воздействия. Рекомендация ОЭСР 2019 г. сформулировала ценностные ориентиры в самом общем виде. Рекомендация ЮНЕСКО 2021 г. расширила круг участников до универсального уровня и детализировала этические принципы. Конвенция Совета Европы 2024 г. перевела регулирование в плоскость юридически обязательных обязательств, пусть и рамочного характера.

Одновременно каждый из актов отражает специфику принявшей его организации. ОЭСР, объединяющая преимущественно развитые экономики, акцентировала внимание на вопросах экономического роста и инновационной конкурентоспособности. ЮНЕСКО, будучи универсальной организацией, поставила во главу угла этические аспекты и инклюзивность. Совет Европы, опираясь на свою конвенционную систему защиты прав человека, сделал акцент на правозащитном измерении регулирования ИИ.

А. А. Громова, Г. З. Джавакян и И.Г. Дудко подчеркивают, что различия между подходами объясняются не только институциональной спецификой организаций, но и культурными, политическими, ценностными факторами, определяющими позиции государств-участников [2]. Показательно, что США, активно участвовавшие в разработке Рекомендации ОЭСР и Конвенции Совета Европы, одновременно придерживаются преимущественно саморегулятивной модели на внутреннем уровне, предпочитая отраслевые инициативы и исполнительные распоряжения обязательному законодательному регулированию.

Китай, не участвовавший ни в одном из рассмотренных международных инструментов, развивает собственную сегментированную модель, основанную на контроле контента генеративных систем ИИ. Ли Яо фиксирует принципиальное расхождение между европейским «твердым» регулированием и «мягким» подходом англосаксонских стран, отмечая, что Китай занимает особую позицию, сочетая жесткий контроль в одних сферах с относительной свободой в других [5]. Подобная фрагментация глобального регуляторного ландшафта создает риск нормативных коллизий, которые международные инструменты призваны смягчить, но пока не способны полностью устранить.

И. И. Белов обращает внимание на практический аспект проблемы, отмечая, что требования к документированию жизненного цикла систем ИИ, закрепленные в AI Act, формируют по существу новое направление делопроизводства, которое затрагивает и субъектов из третьих стран, если они выходят на европейский рынок [1, с. 98]. В условиях отсутствия унифицированных международных стандартов документирования подобные требования де-факто становятся глобальным стандартом для значительной части разработчиков ИИ.

J. Meszaros, I. Huys и J.P. A. Ioannidis указывают на ещё одну проблему, возникающую на стыке международного и регионального регулирования: нечеткость исследовательских изъятий. Грань между академическими и коммерческими разработками в сфере ИИ размывается, и ни один из международных инструментов не предлагает удовлетворительного критерия для разграничения этих кате-

горий [13]. Данный пробел особенно ощутим для международного научного сотрудничества, которое по определению трансгранично.

И. А. Филипова отмечает, что для России, находящейся в процессе формирования собственного законодательства об ИИ, международные инструменты представляют двоякий интерес [8]. С одной стороны, они задают общие ценностные ориентиры, которые целесообразно учитывать при разработке национального регулирования. С другой стороны, практическое воздействие на российский правопорядок оказывает скорее AI Act ЕС как акт прямого действия с экстерриториальным эффектом, нежели рамочные международные договоры.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что за период 2019-2024 гг. произошло качественное усложнение международно-правовых основ регулирования ИИ. От набора рекомендательных принципов, зафиксированных ОЭСР в 2019 г., международное сообщество перешло к юридически обязательному договору, принятому Советом Европы в 2024 г. Этот переход не был линейным: каждый последующий инструмент учитывал опыт предыдущих, расширяя круг участников и повышая степень нормативного воздействия.

Вместе с тем складывающаяся система характеризуется несколькими проблемными чертами. Полицентричность, т.е. наличие нескольких конкурирующих центров нормотворчества (ОЭСР, ЮНЕСКО, Совет Европы, ЕС), создает риск фрагментации и нормативных коллизий. Неоднородность юридической силы актов - от рекомендаций до регламентов прямого действия - затрудняет формирование единого правового режима. Региональные модели, прежде всего AI Act ЕС, благодаря экстерриториальному действию фактически приобретают характер глобальных стандартов, что ставит под вопрос практическую значимость рамочных международных договоров.

N. A. Smuha и K. Yeung скептически оценивают способность ряда нормативных конструкций, включая положения AI Act, обеспечить провозглашенные цели защиты фундаментальных прав [15]. Этот скепсис тем более применим к международным инструментам, которые отличаются ещё большей абстрактностью формулировок. Между нормативной архитектурой и реальной практикой правоприменения неизбежно сохраняется разрыв, сокращение которого является задачей ближайших лет.

Для российской правовой науки изученный опыт представляет интерес с точки зрения определения оптимального соотношения между международными обязательствами и национальным регулированием ИИ. Разработка отечественного законодательства в данной сфере требует учета как достижений, так и очевидных ограничений международных и региональных инструментов, сложившихся к настоящему моменту.

Литература

1. Белов И.И. Закон Европейского союза об искусственном интеллекте: вызовы и возможности для управления документацией // Вестник ВНИИДАД. 2024. No 6. С. 96-106.

2. Громова А.А., Джавакян Г.З., Дудко И.Г. [и др.] Правовое регулирование искусственного интеллекта в России и зарубежных странах: от этики к новой парадигме. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2024.

3. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Искусственный интеллект и право. От фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография. М.: Проспект, 2022.

4. Лев М.Ю., Лещенко Ю.Г., Медведева М.Б. Регулирование искусственного интеллекта международными организациями как фактор обеспечения технологической безопасности в национальных юрисдикциях // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, No 8. С. 1999-2026.

5. Ли Яо. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. No 3.

6. Мамедьяров З.А. Регулирование искусственного интеллекта: первые шаги. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024.

7. Марченко А.Ю. Правовое регулирование технологий ИИ в Европейском союзе: текущее состояние и перспективы его развития // Юридическая наука. 2021. No 7. С. 32-36.

8. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. 321 с.

9. Шейкин А.Г. Запрещенные действия в области искусственного интеллекта в законодательстве Европейского союза // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. No 3 (42). С. 107-112.

10. Эргашев В. Экстерриториальное действие закона ЕС об искусственном интеллекте и конфликты с национальными правовыми системами // Общество и инновации. 2025. Т. 6, No 4. С. 383-395.

11. Bignami E.G., Russo M., Semeraro F., Bellini V. Balancing Innovation and Control: The European Union AI Act in an Era of Global Uncertainty // JMIR AI. 2025. Vol. 4. Art. e75527.

12. Mahmutovic A. The EU AI Act: A Proactive Framework for Comprehensive AI Regulation // International Journal of Law and Information Technology. 2025. Vol. 33.

13. Meszaros J., Huys I., Ioannidis J.P.A. Challenges in Applying the EU AI Act Research Exemptions to Contemporary AI Research // npj Digital Medicine. 2025. Vol. 9. Art. 288.

14. Presno Linera M.A., Meuwese A. Regulating AI from Europe: A Joint Analysis of the AI Act and the Framework Convention on AI // The Theory and Practice of Legislation. 2025. Vol. 13, Iss. 3.

15. Smuha N.A., Yeung K. The European Union's AI Act: Beyond Motherhood and Apple Pie? // The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / ed. by N.A. Smuha. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 229-258.

Formation of international legal foundations for artificial intelligence regulation: from OECD recommendations to the council of Europe Convention

Gadzhieva F.G.
MGIMO University

The article traces the emergence of international legal foundations for artificial intelligence regulation during 2019-2024. Three key international instruments are analyzed: the OECD Recommendation on Artificial Intelligence (2019, revised 2024), the UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (2021), and the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No 225, 2024). The logic of transition from soft law instruments to a binding international treaty is explored. The relationship between international instruments and regional AI regulatory models, primarily EU Regulation 2024/1689 (AI Act), is examined. It is argued that the emerging system of international AI regulation is characterized by polycentricity, heterogeneity of legal force among its constituent instruments, and the growing influence of regional normative models on the international law-making process.

Keywords: artificial intelligence, international legal regulation, OECD, UNESCO, Council of Europe, Framework Convention CETS No 225, AI Act, human rights, digital technologies.

References

1. Belov I.I. The European Union Law on Artificial Intelligence: Challenges and Opportunities for Documentation Management // VNIIDAD Bulletin. 2024. No. 6. pp. 96-106.

2. Gromova A.A., Dzhavakyan G.Z., Dudko I.G. [et al.] Legal Regulation of Artificial Intelligence in Russia and Foreign Countries: From Ethics to a New Paradigm. Moscow: NORMA: INFRA-M, 2024.

3. Kuteynikov D.L., Izhaev O.A., Zenin S.S., Lebedev V.A. Artificial Intelligence and Law. From Fundamental Problems to Applied Tasks: Monograph. Moscow: Prospect, 2022.
4. Lev M.Yu., Leshchenko Yu.G., Medvedeva M.B. Regulation of Artificial Intelligence by International Organizations as a Factor in Ensuring Technological Security in National Jurisdictions // Economic Security. 2024. Vol. 7, No. 8. pp. 1999-2026.
5. Li Yao. Legal Regulation of Generative Artificial Intelligence in the UK, USA, European Union, and China // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 3.
6. Mamedyarov Z.A. Regulation of Artificial Intelligence: First Steps. Moscow: ISSEK HSE, 2024.
7. Marchenko A.Yu. Legal Regulation of AI Technologies in the European Union: Current Status and Development Prospects // Legal Science. 2021. No. 7. pp. 32-36.
8. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: A Study Guide. 3rd ed., revised and enlarged. Nizhny Novgorod: UNN, 2025. 321 p.
9. Sheikin A.G. Prohibited actions in the field of artificial intelligence in the legislation of the European Union // Law and Order: History, Theory, Practice. 2024. No. 3 (42). Pp. 107-112.
10. Ergashev V. Extraterritorial application of the EU law on artificial intelligence and conflicts with national legal systems // Society and Innovation. 2025. Vol. 6, No. 4. Pp. 383-395.
11. Bignami E.G., Russo M., Semeraro F., Bellini V. Balancing Innovation and Control: The European Union AI Act in an Era of Global Uncertainty // JMIR AI. 2025. Vol. 4. Art. e75527.
12. Mahmutovic A. The EU AI Act: A Proactive Framework for Comprehensive AI Regulation // International Journal of Law and Information Technology. 2025. Vol. 33.
13. Meszaros J., Huys I., Ioannidis J.P.A. Challenges in Applying the EU AI Act Research Exemptions to Contemporary AI Research // npj Digital Medicine. 2025. Vol. 9. Art. 288.
14. Presno Linera M.A., Meuwese A. Regulating AI from Europe: A Joint Analysis of the AI Act and the Framework Convention on AI // The Theory and Practice of Legislation. 2025. Vol. 13, Iss. 3.
15. Smuha N.A., Yeung K. The European Union's AI Act: Beyond Motherhood and Apple Pie? // The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / ed. by N.A. Smuha. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. pp. 229-258.